

Анатолий Денисенко В начале было убийство: бессмертный Рене Жирар и преодоление секулярного

*Невозможно познать истину,
если мы не противимся законам насилия,
и невозможно противиться законам насилия,
если мы не познали истину.*

Рене Жирар¹

Рене Жирара (1923–2015), французского философа, культуролога, антрополога, богослова, литературоведа, уже при жизни именовали бессмертным. В ноябре 2005 года Жирар был выбран членом французской академии, став тридцать седьмым из сорока живущих ее членов. Избрание в академию является пожизненным, поэтому академиком называют «бессмертными»².

Рене Жирар родился в 1932 году, на Рождество, в Авиньоне. С 1943 по 1947 год изучал средневековую историю в Париже. Защитил диссертацию на тему «Частная жизнь в Авиньоне во второй половине XV века» («*La vie privée à Avignon dans la seconde moitié du XVe siècle*»). Затем продолжил обучение в Университете Индианы (США), где защитил диссертацию на тему «Американское общественное мнение и Франция (1940–1943)» и получил степень доктора философии. После этого работал преподавателем французской литературы, культурологии и литературоведения в американских университетах: Джона Хопкинса, в Баффало и Стенфорда.

Жирар называл себя человеком нескольких идей. Хотя, если быть до конца точным, у него всего одна идея, или лучше сказать одна концепция, которая, по его словам, является основанием

¹ Рене Жирар, *Вещи, сокрытые от создания мира*, М.: ББИ, 2016, с. 263.

² Со времени основания в 1635 году членами Французской академии были избраны 728 человек. Michael Kirwan, *Girard and theology*, London: T&T Clark, 2009.

всех других идей³. Такое притязание на универсальную концепцию характерно для рациональной науки, стремящейся найти одну вещь, которая придала бы смысл всему остальному: это может быть дарвинистский принцип «естественного отбора», фрейдистский «эдипов комплекс» или физико-математическая «теория всего». Единая теория — это своего рода тотальная фантазия, с точки зрения постмодернизма, которую он пытается ниспровергнуть и превзойти⁴.

Жирар считал, что, если ученым не удалось понять религию исходя из философии, то можно сделать и обратный ход — увидеть философию в свете религии⁵. На протяжении всей своей академической карьеры он развивал свою оригинальную теорию религии, суть которой заключалась в раскрытии богословия жертвоприношения. Жертвоприношение, по Жирану, характерно тем, что его функция постоянно от нас ускользает, и оно всегда направлено на то, чтобы успокоить внутреннее насилие, сдержать конфликт⁶. Но насилие и священное — взаимосвязаны⁷. Жирар считал, что парадокс архаической религии состоит в том, что для предотвращения насилия она прибегает к насилию⁸. Жирар так и называет свою книгу «Насилие и священное», а не «Насилие или священное». Для него динамика насилия и динамика священного совпадают⁹. Основную задачу Жирар видел в том, чтобы показать, что насилие находится в самом центре священного.

Одна из наиболее значительных книг Жирана — «Вещи, сокрытые от создания мира» («*Des choses cachées depuis la fondation du monde*»), впервые увидела свет в 1978 году. Английский перевод книги (как и интерес к самому Жирану) появляется только в 1987 году. В ней Жирар развивает критику христианства основанного на понятии «жертвы». Книга является попыткой изложения универсальной антропологической теории. Текст построен в форме триптиха: 1) фундаментальная антропология; 2) иудео-христианские Писания; 3) межличностная психология. По стилю «Вещи, сокрытые от создания мира» — это диалог, беседа Рене Жирана с двумя психиатрами: Жан Мишелем Угурляном и Ги Лефором. Сам Жирар в этой книге позиционирует себя как христианина и предлагает так называемое «нежертвенное» прочтение Евангелий и личности Христа.

³ Gerard Loughlin, “Rene Girard (b. 1923): Introduction”, pp. 96-104, Graham Ward (ed.), *The Postmodern God. A Theological Reader*, Blackwell Publishing, 2007, p. 96.

⁴ Там же.

⁵ Жирар, *Вещи, сокрытые от создания мира*, с. 8.

⁶ Рене Жирар, *Насилие и священное*, М.: НЛЮ, 2000, с. 23.

⁷ Там же, с. 30.

⁸ Рене Жирар, “Насилие и религия: причина и следствие?”, *Логос*, 4 (67), 2008, с. 133.

⁹ Жирар, *Насилие и священное*, с. 342.

Именно благодаря такой позиции, книга «Вещи, сокрытые от создания мира» шокировала его читателей, прежде всего, атеистов, которые, опираясь на ранние идеи Жирара («Насилие и священное», 1972), надеялись дискредитировать религию, в частности христианство, однако нашли в книге, что христианство не только связано с происхождением насилия, но и является критикой насилия как такового¹⁰. Цель жертвенного насилия, по Жирару, заключается в том, чтобы «перехитрить насилие»¹¹, разорвать нескончаемый процесс мести¹², не дать развиваться зародышам насилия¹³, помешать взрыву насилия¹⁴.

Теория миметического насилия как акта, лежащего в основе культуры и социума — это не что иное, как антропологическая апология христианства¹⁵. С самого начала, пишет Жирар, произошло убийство, которое ознаменовало начало сатанинского порядка¹⁶. Иисус же — это невинная жертва коллективного кризиса¹⁷. По мнению лучшего (и первого) комментатора и интерпретатора идей Жирара современного католического богослова Джеймса Алисона, Иисус переворачивает всю миметическую теорию по той причине, что Бог выступает на стороне жертвы, а Новый Завет отличается от остальных известных нам мифов тем, что история в нем представлена с точки зрения жертвы. Жертва при этом — не виновна¹⁸. Апостолы рассказывали историю Иисуса, как историю того, кто жертвует собой¹⁹. Иисус с самого начала осознавал себя, как жертву²⁰.

Иисус, пишет Жирар, является единственным человеком, который достиг той цели, которую Бог предназначил всему человечеству. Он единственный, кто не имеет ничего общего с насилием и его делами²¹. Земное существование Иисуса завершилось Его смертью не потому, что Отец Небесный имел определенный

¹⁰ Fredrick Depoortere, *Christ in postmodern philosophy*. Gianni Vattimo, Rene Girard and Slavoj Zizek, London: T&T Clark, 2008, p. 35.

¹¹ Жирар, *Насилие и священное*, с. 12.

¹² Там же, с. 25.

¹³ Там же, с. 28.

¹⁴ Там же, с. 31.

¹⁵ Вольфганг Палавер, «Предисловие к русскому изданию», в: Рене Жирар, *Я вижу Сатану, падающего как молния*, М.: ББИ, 2015, с. IX.

¹⁶ Жирар, *Вещи, сокрытые от создания мира*, с. 201.

¹⁷ Там же, с. 206.

¹⁸ Джеймс Алисон, *Жизнь в последние времена. Иной взгляд на эсхатологию*, М.: ББИ, 2010, с. 17-18.

¹⁹ Джеймс Алисон, *Постижение Иисуса. Доступное введение в христологию*, М.: ББИ, 2010, с. 39.

²⁰ Там же, с. 40.

²¹ Жирар, *Вещи, сокрытые от создания мира*, с. 257.

жертвенный план. Вообще, пишет Жирар, о логике жертвы стоит спрашивать не Отца или Сына, а всех людей – все человечество. Именно оно потребовало жертвоприношения в надежде освободиться от ответственности²². Иисус же выступает тем, кто «ничего не должен насилию»: он не мыслит его нормами, не поступает по его правилам и способен сказать всю правду о природе насилия, оставаясь при этом полностью чуждым ему²³. Бог ненасилия, если Он конечно существует, открывается людям, как тот, кто изгоняет насилие, являя при этом возможность своего существования вне рамок насилия²⁴.

В своем *opus magnum* «Насилие и священное» Жирар делает предположение, что все древние религии связаны между собой обрядом жертвоприношения. Жертвоприношение – это, прежде всего, сакрализация коллективной агрессии по отношению к индивиду, в котором на него возлагается роль «козла отпущения» и который своею смертью примиряет между собой два враждующих лагеря. Книга стала ответом на события 1968 года. Все последующие книги, в том числе и «Козел отпущения» (1982)²⁵ – это развертывание идеи «миметического насилия», которую автор рассматривает в качестве основополагающей практики в рамках социума. В последней книге, Жирар детально разбирает места Св. Писания, в которых обнаруживает феномены коллективного гонения (изгнания). Единый структурирующий принцип прослеживается в евангельских страстях, в истории Ионы, которого моряки выкидывают за борт, чтобы спасти тонущий корабль, в усекновении головы Иоанна Предтечи. Этот принцип называется феномен «козла отпущения» (в Евангелии – «агнца Божьего») и более понятен из слов первосвященника Каиафы: «лучше нам, чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб» (Ин 11:50).

«Козел отпущения» – это еврейская ритуальная жертва, которая описывается в Книге Левит 16:21-22: «и возложит Аарон обе руки свои на голову живого козла, и исповедает над ним все беззакония сынов Израилевых и все преступления их и все грехи их, и возложит их на голову козла, и отошлет с нарочным человеком в пустыню: и понесет козел на себе все беззакония их в землю непроходимую, и пустит он козла в пустыню». Как видно из текста, суть ритуала заключалась в изгнании в пустыню козла, на которого Израиль возлагал все свои грехи. Символическим возложением рук на голову козла, первосвященник переносил

²² Жирар, *Вещи, сокрытые от создания мира*, с. 257.

²³ Там же, с. 263.

²⁴ Там же, с. 264.

²⁵ Рене Жирар, *Козел отпущения*, СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2010.

на животное все то, что могло бы каким-то образом повредить отношениям между членами общины. Цель обряда достигалась, если его участники убеждались в том, что грехи изгнаны вместе с козлом и что община от них освободилась²⁶.

В греческом мире подобная практика описана понятием *pharmakos*, которое в Афинах обозначало ритуальную (очистительную) жертву за грехи народа. Из общины в период того или иного бедствия (голода, вторжения врага или чумы) или во времена какого-то кризиса выбирался кто-то из рабов. Это мог быть также калека или преступник. Считалось, что такое изгнание приводило к очищению общества города перед лицом богов. Жак Деррида, ссылаясь на древние источники, в своей «Диссеминации» писал о том, что афиняне содержали за счет государства определенное количество падших и бесполезных индивидуумов, чтобы, когда город столкнется с определенным природным несчастьем, социально отверженных людей из этой группы принести в жертву, как козлов отпущения²⁷. В первый день Таргелии (афинского праздника в честь Аполлона и Артемиды) двух мужчин (иногда мужчину и женщину) выводили за город, били плетью, готовя принести в жертву в качестве искупления вины²⁸. Кстати, *pharmakeus* (козлом отпущения) был в свое время и Сократ, который, по словам Диогена Лаэртского, «родился шестого Фаргелиона, когда афиняне совершали очищение города, а делосцы отмечали рождение Артемиды»²⁹.

Жирар считает, что характерной чертой всех мифологий, является так называемое «учредительное убийство». Если в мифах рассказ происходит с позиции убийцы, то в Евангелиях (и в этом их уникальность и превосходство) говорится с позиции жертвы. Христос является уникальной жертвой по той причине, что нигде и никогда не подчиняется гонительской перспективе — он не соглашается со своими палачами, но в тот же момент, он не смотрит на них с мстительной перспективы³⁰.

В предисловии к книге «Козел отпущения» англо-американский культуролог и литературовед Александр Эткин видит главную идею автора в том, что «насилие порождает кровавый круг мести»³¹. В центре внимания книги Жирара — культура, которая отвечает за совершенствование всевозможных общественных ме-

²⁶ Жирар, *Я вижу Сатану, падающего, как молния*, с. 162.

²⁷ Жак Деррида, *Диссеминация*, Екатеринбург: У-Фактория, 2007, с. 167.

²⁸ Там же.

²⁹ Диоген Лаэртский, *О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов*, М.: Мысль, 1986, с. 106.

³⁰ Там же, с. 205.

³¹ Александр Эткин, «Предисловие», в: Рене Жирар, *Козел отпущения*, с. 6.

ханизмов, и в ее основании лежит убийство³². По той причине, что отношения между насилием и религией являются очень запутанными, Жирар считает, что необходимо рассмотрение вопроса во сей его полноте³³. Всеобщая миметическая теория начинается с миметического кризиса и подводит к драме, согласно которой «общество убивает одну-единственную жертву и в конечном итоге обожествляется»³⁴.

Рене Жирар — один из тех, кто на личном, интеллектуальном уровне преодолевает секуляризацию, согласно которой, по мере модернизации религия постепенно становится ненужной³⁵. Именно углубленное изучение великих европейских романистов³⁶ уберегло его в свое время от увлекшей многих на Западе антирелигиозной парадигмы. Пережив обращение в христианство (католичество), Жирар рассматривал все свои книги как апологию христианства и пытался вне богословских предпосылок доказать убедительность христианской веры³⁷. Выстраивая свою миметическую (подражательную) теорию на иудео-христианском основании, Жирар тем самым подчеркивает, что его, порой сознательно не религиозный, антропологический анализ нацелен прежде всего «на религиозное»³⁸.

Практически все наши желания исходят из желания подражания. За основу как объяснение источника всякого насилия Жирар берет заключительную заповедь Декалога, раскрывающую идею подражательного насилия: «Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ничего, что у ближнего твоего» (Исх 20:17). Все человеческое подражание базируется на желании быть (жить); ради этого желания человек жертвует чем угодно, даже идет на убийство³⁹. На почве желания происходят бесконечные воспроизводящиеся конфликты «брата с братом», сын идет против отца, дочь — против матери⁴⁰.

В своих книгах Жирар вскрывает диагнозы человеческих недугов, вызванных миметическим извращением, исцеление от которых может быть найдено только теми, кто оставляет жертвен-

³² Алисон, *Жизнь в последние времена*, с. 17.

³³ Жирар, *Насилие и религия: причина или следствие*, с. 130.

³⁴ Там же.

³⁵ Палавер, с. X.

³⁶ Первые его работы были посвящены Достоевскому, Шекспиру и др. См. Рене Жирар, *Достоевский: от двойственности к единству*, М.: ББИ, 2013. Книга о Шекспире готовится к изданию в издательстве ББИ.

³⁷ Там же, с. XI.

³⁸ Палавер, с. XVII.

³⁹ Алисон, *Постижение Иисуса*, с. 60.

⁴⁰ Жирар, *Я вижу Сатану, падающего, как молния*, с. 166.

ное насилие посредством покаяния и преобразования⁴¹. Именно личное примирение оказывается тем единственным средством, которое позволяет вырваться за пределы разрушительного круга миметического насилия⁴². Долг человека в том, чтобы помешать насилию ненасильственными средствами⁴³. Иисус постоянно настаивал на том, чтобы в отношениях Его учеников не было элемента соперничества⁴⁴.

Последнюю из переведенных на русский язык книг Жирара «Вещи, сокрытые от создания мира» надо читать в связке с другими ключевыми его работами, также переведенными на русский язык. Они дополняют друг друга и вместе воссоздают разностороннюю картину механизмов, которыми руководствуется общество, захваченное идеей бога, хранящего чистоту той или иной группы, и ради этой чистоты готового на устранения загрязняющих ее элементов⁴⁵.

Знакомство с миметической теорией Жирара лучше всего начинать с книги «Вещи, сокрытые от создания мира». Она не является законченным теоретическим текстом, а всего лишь диалогом, с которого, как известно, начинается всякий конструктивный курс. «Вещи» — это отправная точка, благодаря которой можно легче воспринять идеи таких книг, как «Насилие и священное» и «Козел отпущения».

С полной уверенностью можно сказать, что сегодня Жирар является одним из самых неисследованных западных авторов в отечественных гуманитарных кругах. И хотя на русский язык переведены его ключевые книги, теория «миметического желания» все еще находится вне поля зрения подавляющего числа отечественных богословов, философов, антропологов и религиоведов.

Естественно, теория Жирара не безупречна, у него есть уязвимые места. Одно из них состоит в том, что философ искренне считает, что люди собираются в группы только тогда, когда есть кто-то, кого они могут все вместе ненавидеть. Конечно, такую позицию нельзя считать единственно приемлемой культурологической парадигмой. Что касается христологии, то и здесь аргументы Жирара не всегда убедительны. Джон Милбанк, например, считает, что Жирар прав, акцентируя отказ Иисуса от насилия, но при этом уделяет мало внимания конкретной «форме» ненасильственной практики Иисуса⁴⁶.

⁴¹ Scott Cowdell, *Rene Girard and Secular modernity. Christ, Culture, and Crisis*, Notre Dame: University of Notre Dame Press, 2013, p. 5.

⁴² Жирар, *Насилие и религия: причина или следствие?*, с. 136.

⁴³ Там же, с. 138.

⁴⁴ Алисон, *Постижение Иисуса*, с. 56.

⁴⁵ Алисон, *Жизнь Иисуса*, с. 32.

⁴⁶ John Milbank, *Theology and Social Theory*, Oxford: Blackwell Publishing, 2006, p. 398.

В книге «Жирар и теология» Кирван приводит список современных мыслителей, которые не остались равнодушны к культурологической парадигме Рене Жирара. В нем такие имена, как: Ганс Урс фон Бальтазар, Роуэн Уильямс, Джон Милбанк⁴⁷. Нельзя не согласиться с тем мнением, что к середине двадцать первого столетия, если не ранее, Жирар будет известен, как один из интеллектуальных первопроходцев двадцатого столетия⁴⁸. Отголоски его теории можно обнаружить в политических, этнических, религиозных, социальных, расовых и других современных актуальных темах. Так, например, размышляя о терроризме, в своей книге «Секулярный век» известный канадский мыслитель Чарльз Тейлор прибегает к теории священного насилия Жирара⁴⁹.

Рене Жирар уже давно вышел за пределы богословского курса, в которые его поместила, вышедшая более 35 лет назад книга «Насилие и священное». Его идеи устремились за пределы французской литературы и культурологии и находят свой отклик теперь даже в плоскости нейро-наук и эволюционной теории. А как культурная теория миметическая теория, объясняет не только начало архаических религий и основание человеческой цивилизации, но также и формирование основных политических институтов нашего общества⁵⁰.

⁴⁷ Kirwan, pp. 132-142.

⁴⁸ *Ibid*, p. 132.

⁴⁹ Чарльз Тейлор, *Секулярный век*, М.: ББИ, 2016, с. 787.

⁵⁰ Wolfgang Palaver, "Rene Girard's Mimetic Theory", in: *Political implication of Mimetic Theory*, East Lansing: Michigan State University, 2013, pp. 275-296.